

В. И. Пефтиев**Образ Франции в творчестве А. И. Герцена**

Феномен и понятие «образ», являясь базовым для экзистенциализма и культурологии, раскрываются через намерение (интенцию) и воображение. Образ возникает по ходу познавательного процесса из трех актов: а) наблюдение (увиденное, услышанное, прочитанное); б) размышления и действия по поводу событий; в) воспоминания о прошлом и/или текущем. Эти акты влияют друг на друга и вместе с тем автономны во времени и пространстве. Образ общества и личности, претерпевая метаморфозы, трансформируется в виртуальность, которая отрывается от реальности и может быть богаче или беднее прежнего представления.

Эти установки проецируются на жизнь и творчество А. И. Герцена и формируют персональный образ Франции. Герцен оказался свидетелем кровавых схваток народа с властью (июнь 1848 г.). Он лично общался и обменивался письмами с великими французами (В. Гюго, Ж. Мишле, П. Прудон и др.). Гений А. И. Герцена сочетал энциклопедическую подготовку в России и турбулентный опыт Европы; это сочетание двух полярных потенциалов имело результатом особый тип интеллектуала – русский европеец. К сожалению, имперская Россия не удосужилась воспользоваться его ресурсами на благо Отечества. Постсоветской России противопоказано повторение подобной ошибки.

Ключевые слова: творчество А. И. Герцена, образ Франции, революция 1848 года, жизнь в изгнании, В. Гюго, Ж. Мишле, П. Прудон.

V. I. Peftiev**Image of France in A. I. Herzen's Creativity**

The phenomenon and the concept «image», being a basic one for existentialism and culturology, is revealed through intension and imagination. The image appears in the course of the informative process of three acts: a) supervision (what was seen, heard, read); b) thoughts and actions concerning events; c) memoirs about last and/or current. These acts interacted with each other and at the same time are autonomous in time and space. The image of society and the personality, undergoing metamorphoses, is being transformed into virtuality, which comes off reality and can be richer or poorer than the former representation.

These ideas are projected on life and A. I. Herzen's creativity and form a personal image of France. Herzen was a witness of bloody fights of the people with the power (June, 1848). He personally communicated and exchanged letters with great French (V. Hugo, Zh. Mishle, P. Prudon, etc.). A. I. Herzen's genius combined encyclopedic training in Russia and turbulent experience of Europe; this combination of two polar potentials caused a special type of the intellectual – the Russian European. Unfortunately, Imperial Russia did not find time to use his resources for the Motherland benefit. Repetition of the similar mistake is contraindicated to Post-Soviet Russia.

Keywords: A. I. Herzen's creativity, an image of France, Revolution in 1848, life in exile, V. Hugo, Zh. Mishle, P. Prudon.

Pereant, qui entes nos nostra dixerant.

(Да погибнут те, кто раньше нас высказал сказанное нами.)

Творчество Александра Ивановича Герцена (1812–1870) противоречиво, но неисчерпаемо: блестящий и неподражаемый стилист, эрудированный и меткий (от иронии и до сарказма) публицист, глубокий и пронизательный мыслитель, русский европеец для просвещенной Европы и России... Юбилеи приходят и уходят, однако интерес к наблюдениям и размышлениям А. И. Герцена не угасает [6–8]. Нам хотелось бы привлечь внимание читателей и исследователей к текстам Герцена как свидетеля кровавых схваток народа с властью в июне 1848 года в Париже. Он лично общался и обменивался письмами с вели-

кими французами (В. Гюго, Ж. Мишле, П. Прудон и др.). Экзистенциальный опыт русского патриота в изгнании не потерял свою ценность и в XXI веке, в условиях добровольной и вынужденной миграции после распада Советского Союза и в контексте кризиса глобализации. Свой среди чужих остается вечной темой для писателей, публицистов, культурологов. И образ Франции в восприятии А. И. Герцена, полагаем, познавателен для всех и каждого, кому небезразлична история и судьба самобытной нации.

Предварим авторское повествование отдельными разъяснениями и уточнениями относительно методологии решения амбициозной задачи – осмыслить и прочувствовать образ Франции в творчестве А. И. Герцена. Феномен и понятие «образ», занимая одно из ключевых мест в экзи-

стенциализме Эд. Гуссерля и Ж.-П. Сартра, раскрываются через интенцию (намерение) и воображение (фр. *l'imagination*. – В. П.). Образ возникает по ходу познавательного процесса из трех актов: 1) наблюдение предмета (объекта) или субъекта (увиденное, услышанное, прочитанное); 2) размышления и действия (поступки) по поводу событий (фактов, информации с общественными резонансами); 3) воспоминания как след текущих и прошлых событий (обычно *post factum*, а то и спустя годы и даже десятилетия). Эти акты влияют друг на друга и вместе с тем автономны во времени и пространстве. Образ общества или личности, претерпевая метаморфозы, трансформируется в виртуальность, которая отрывается от реальности и может быть богаче или беднее прежнего представления. Проецируем сказанное на жизнь и творчество Герцена. Русский в Париже (Европе): что он видит за границей лучше, а что хуже? Вторгаются, теснят, вызывают к себе трилика виртуальности. Ее интерактивность: русский – иностранцы. Русский обрабатывает ранее неведомую информацию. Ему волей-неволей приходится сопоставлять, сравнивать «свое» и «чужое», идеалы и жизнь. В статье образ Франции подается сквозь призму событий в Париже до, во время и после революции 1848 года, а также личностей великих французов (В. Гюго, Ж. Мишле, П. Прудон и др.). Автор не вторгается в дискуссии вокруг тех или иных идей и позиций персонажей XIX века среди современников и в последующих поколениях. Основным первоисточником остается собрание сочинений в 30 томах (М.: АН СССР, 1954–1964). Ссылки на тома и страницы указаны в тексте статьи. Используются также биографии Герцена дореволюционных, советских и российских авторов в сочетании с монографиями и другими публикациями разных лет.

Еще подростком Александр мечтал о достойном служении Отечеству. Он причислял себя к поколению победителей Наполеона Бонапарта. Его возбуждала трагическая судьба казненных декабристов. Вера в свое неординарное (незаяурядное) предназначение способствовала углубленному изучению иностранных языков (сначала в семье), шедевров русской и зарубежной литературы, философских трактатов (в Московском университете). Потребность в самообразовании не погасили ни тяготы ссылки, ни полицейский надзор. Порыв к расширению и углублению знаний не ослабевал на протяжении всей турбулентной жизни А. И. Герцена.

Романтическая поэзия В. Гюго находила благодатный отклик в душе и сердце Александра Герцена. В переписке с Натальей Захарьиной 1832–1838 гг. проникновенные фразы В. Гюго неоднократно встречаются в качестве эпиграфов, цитат, откликов. Наиболее часты ссылки на стихи из сборников «Песни сумерек», «На морском берегу», «Что слышится на горе?» и др. [Т. XXI]. В письме Н. А. Захарьиной из Вятки от 5–7 декабря 1836 г. находим приписку: «При этом письме приложил я прелестные стихи Гюго, чрезвычайно хорошие. – Надеюсь, по моей рекомендации, и вам понравятся [Т. XXI, с. 124]. Влюбленные оживленно обсуждали строку В. Гюго: любовь важнее земли и солнца [Т. XXI, с. 57, 473, 475]. В ответ на признание в любви Н. А. Захарьиной по-женски уловила оттенки: «Там ты все пишешь о любви, а ни слова о любви ко мне, и я успокоилась, ибо я боялась дня и хотела насладиться рассветом» [Т. XXI, с. 200, 508]. В середине августа 1838 г. Герцен подарил ей экземпляр романа «Собор Парижской богородицы» [Т. XXI, с. 432]. В письме Н. А. Захарьиной от 9 января 1837 г. Герцен обращается к метафоре Гюго: «Гюго говорит, что человек с талантом похож на Мазепу, привязанного к хвосту дикой лошади» (образ из сб. «*Les Orientales*») [Т. XXI, с. 134, 507]. Годы спустя, в исповеди «Былое и думы» Герцен самокритичен: «В моих письмах рядом с истинным чувством – ломаные выражения, изысканные эффектные слова, явное влияние школы Гюго и новых французских романтиков. Ничего подобное в ее письмах, – язык ее прост, поэтичен, истинен, на нем заметно одно влияние – влияние евангелия» [Т. VIII, с. 345–346].

Регулярное чтение новинок французской и европейской литературы гармонично сочеталось со штудированием сочинений по истории и философии. В философском очерке «О месте человека в природе» (написан в декабре 1832 г.) Герцен ссылается на трактаты французских философов Э. Родрига (*Rodrigues*) и В. Кузена¹ (1792–1867), книги историка и социалиста-утописта Ф. Ж. Бюше (1796–1865) [Т. I, с. 13–25]. Отдельные высказывания Герцена дают представление о его становлении как самобытного мыслителя. Одно из них: «Подобно физиологам, представители критической философии (критики философии Просвещения. – В. П.) сделали из вселенной то, что они сделали из живого человека – труп» [Т. I, с. 13]. Центр французского материализма переместился в *Ecole Normale* (престижный педагогический вуз во Франции. – В. П.), девиз которого бли-

зок к душе человека XIX столетия. А. И. Герцен вновь обращается к мысли Гюго, заключенной в афоризме «ни красного колпака, ни красного каблука» (*ni bonnet rouge, ni talon rouge*)², для обоснования тезиса о соединении рационализма и эмпиризма. И реплика с вызовом: «назовите это эклектизмом, отдайте его Кузену и прибавьте, что он (Кузен) жил в Париже, это нам все равно» [Т. I, с. 28]. Проницательно и вскользь высказанное наблюдение о том, что общество (фр. – В. П.) обратило все внимание на себя, потому что оно нездорово [Т. I, с. 27]. И в следующей записи (без названия, но с датой – двадцать восьмое января) приведен эпитафия из Кузена: «И революция воплотилась в человеке» [Т. I, с. 29]. И в завершение Герцен вопрошает: «Не поразило ли каждого из нас равнодушие к Петру?» [Т. I, с. 35]. И последний раз А. И. Герцен ссылается на «Введение в историю философии» В. Кузена в статье «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» (28 мая 1833 г.). См. Т. I, с. 37, 36–51.

До выезда за границу России А. И. Герцен обстоятельно изучил историю Франции. В письме Н. П. Огареву от 7 или 8 августа 1833 г. (Москва): «Теперь я оканчиваю “Историю” Мишле – хорошо очень, а там займусь за Тьерри». См. Т. XXI, с. 24. В начале 30-х годов сочинения О. Тьерри (1798–1856) оживленно обсуждались в кругу друзей Герцена³. Герцен перевел отдельные рассказы О. Тьерри из эпохи Меровингов и опубликовал их в «Отечественных записках» (1841, № 2). Полностью текст на русском языке появился в 1848 г. Во введении к рассказам Герцен отмечает два достоинства сочинения О. Тьерри: а) новый взгляд на историю Франции (борьба буржуазии против аристократии. – В. П.) и б) увлекательность рассказов. Отмечаются также работы П. Леру (1839) и других историков. См.: Т. II, с. 7–11. Информативны и дневниковые записи 1842–1845 гг. 25 марта 1842 г. (Новгород): «Тридцать лет. Половина жизни... И хорошо и грустно смотрю назад». См.: Т. II, с. 201. Июнь 1843 г. Чтение «Истории десяти лет» Луи Блана: «Чрезвычайно замечательное произведение по взгляду, по изложению и по разоблачению» (речь идет об июльской революции 1830 г. – В. П.). См.: Т. II, с. 284. Октябрь 1843 г., после прочтения IV тома книги де Кюстина «Россия в 1839 году». Отклик взвешенный, отличный от негативных оценок официальных властей. И самое ценное, на наш взгляд, заключение Герцена для себя и подданных России: «Мы привыкаем жить, как поселяне возле огнедышащего кратера». См.: Т. II, с. 311. В ноябре 1843 г. Герцен прочел и

I том книги де Кюстина. На сей раз впечатление угнетающее: «Книга эта действует на меня, как пытка, как камень, приваленный к груди; я не смотрю на его промахи, основное воззрение верно, и это отражение общества, и эта страна – Россия. Его взгляд оскорбительно видит. Как верно сказал он: “Бесполезная мысль, запавшая в душу, становится ядовитой и разъедает ее за отсутствием другого применения” (фраза на французском языке. – В. П.). См.: Т. II, с. 315. Посещение России баронессой де Сталь отмечено ее сентенцией: «Я для России только счастливая случайность». См.: Т. II, с. 312. Запись о чтении IV тома Луи Блана. См.: Т. II, с. 321. Февраль 1844 г. Отзыв на лекции А. Мицкевича в Collège de France (1840–1842): «славянский пафос, вроде Хомякова и Снег, с разницей, что он поляк, а не москаль, что он живет в Европе, а не в Москве». И далее: «Мицкевич говорит, что разгадка судеб мира славянского лежит сокрытая в будущем». См.: Т. II, с. 333, 334.

Избранное из разнородных и разновременных текстов напоминает мозаику из разбитых кусочков и может оставить путаное представление о картине Франции в глазах А. И. Герцена. Наш предварительный вывод двоякого свойства: гонимый властями мыслитель экстраординарного статуса тщательно готовился к встрече с Парижем, Францией, Европой, с одной стороны, с другой – написанное им является малой толикой того, что он держал в уме. И посему проявим величайшую осторожность в авторских комментариях. Этот период в жизни и творчестве Герцена наименее изучен, по сравнению с годами пребывания в Европе, отсюда и известная диспропорциональность в изложении экзистенциальных развилок в судьбе нашего героя.

Тягостная ссылка завершилась, загранпаспорт получен. И с остановками и пересадками восторженный Герцен прибывает в Париж – общеевропейский центр притяжения (март 1847 г.). Осмотрены святыни революции 1789 года. Встречи со знаменитостями Франции и Европы. Учащенный пульс жизни на улицах, в кафе, редакциях газет и журналов, бурные диспуты. Герцена поражает одна особенность французов – умение разговаривать. Немцы признаются в любви, поверяют тайны, поучают или ругаются. В Англии оттого и любят рауты, что тут не до разговоров... толпа, нет места, все толкуются и толкуются, никто никого не знает. См.: Т. X, с. 23. Медовый месяц продолжался недолго. Реки крови в июне 1848 г. Революция подавлена. Разброд и шатания в стане оппозиции. Луи Бонапарт осуществляет государственный пе-

реворот 2 декабря 1851 г. Пребывание в Швейцарии Герцена не устраивает, и он надолго оседает в Лондоне. Издание «Колокола» и «Полярной звезды», листовок и брошюр для Европы и России являет собой грандиозный подвиг А. И. Герцена и его соратников.

Неизбежно осмысление происшедшего, осложненное семейной драмой, смертью жены, гибелью матери и сына. Думы растянулись на годы и отражены в сборниках «Письма из Франции и Италии» (1858) и «С того берега» (1855)⁴, частично в книге воспоминаний «Былое и думы». В предисловии к «Письмам...» Герцен пишет: «Письма эти – врасплох остановленные и наскоро закрепленные впечатления времени. Особая цена – для меня. В них первая встреча с Европой, веселая сначала, – да и как не веселиться, вырвавшись из николаевской России. ... Веселый тон писем скоро тускнеет – начинается зловещее раздумие... Франция ненадолго могла скрыть внутреннюю болезнь, глубоко разъедавшую ее. Чем пристальнее я всматривался, тем яснее видел, что Францию может воскресить только коренной экономический переворот – 93 год социализма. Но где силы на него? Где люди? ... а пуще всего где мозг?». См.: Т. V, с. 9.

В чем же симптомы внутренней болезни Франции? Каково поведение победителей и побежденных? Ответы рассеяны по многим текстам Герцена. Попытаемся их систематизировать. Во-первых, озверелая месть буржуазии против простого люда.⁵ Тысячи и тысячи убитых, раненых, депортированных, ввергнутых в нищету и безработицу. Французы любят террор. У Франции странная судьба – быть великой в болезни и пошлой в здоровье, быть великой в один день и ничтожной на другой день. См.: Т. V, с. 174. Обратите внимание на повторяемость образа «болезнь», на резкие перепады от подъема духа до обрыва в бездну. Во-вторых, органические пороки политической оппозиции, как страсть к фразе⁶, разрыв между лозунгами и реальностью, поверхностность в анализе. Отсюда и обвинительные пассажи в адрес Франции и Европы: «Я явился в Европу чужестранцем; вы же сами сделали себя чужестранцами. Только один раз, на несколько мгновений, мы почувствовали себя дома: то было весной 1848 года. Но как дорого мы заплатили за этот сон, когда, пробудившись, увидели себя на краю бездны, на склоне которой находится старая Европа, ныне бессильная, бездеятельная и наконец разбитая параличом». Из статьи «Россия» (Лондон, 25 августа 1849 г.). См.: Т. VI, с. 188.

В-третьих, политическое лукавство Луи Бонапарта до и после переворота 2 декабря 1851 г.⁷: с одной стороны, заигрывание с оппозицией, изгнание из страны ее лидеров – с другой. А. И. Герцен комментирует: «Трудно было свыкнуться с мыслью, что Франция разошлась с революцией. Второе декабря, несмотря на то, что его ждали, поразило всех... Говорят, что победил порядок. Нет идеи беднее, жалче, слабее, чем идея порядка во что бы то ни стало (в тексте на фр. языке. – В. П.), порядка в смысле полицейской тишины». См.: Т. V, с. 212, 215. – с. 210–217 (Письмо тринадцатое, из Ниццы 31 декабря 1851 г.).

А. И. Герцен по стечению обстоятельств не смог вырваться из статуса пожизненного эмигранта. Ему до мелочей пришлось ознакомиться с бытом и нравами эмигрантов разных национальностей в Париже, Швейцарии, Лондоне. В одной из глав «Былое и думы» Герцен обобщил неприятные черты эмигранта: а) революция у них остается, как в девяностых годах, метафизией общественного быта, то есть все фокусировано на одном и том же событии и б) упорство в раздоре друг с другом и мелкость в самолюбии. И далее следует ироничное описание бытовых различий французов и англичан. Французы не могут простить англичанам, что те не говорят по-французски. Французов приводят в шок названия улиц, а также меню и распорядок дня в кафе и ресторанах. Англичанин платит ему (французу) той же монетой, но с завистью смотрит на покрой его одежды и карикатурно старается подражать ему. См.: Т. XI, с. 32–33.

Но эмигрантская среда порождала более серьезные конфликты с вмешательством судебных властей и публичной полемикой. Историографы биографии и творчества А. И. Герцена в деталях ознакомлены с неприятной историей, в которой замешаны Георг Гервег (1817–1875) и его супруга Эмма (1817–1901). Польские эмигранты (А. Мицкевич, К.-Э. Хоецкий, К. Браницкий) неоднократно пытались вовлечь А. И. Герцена в антироссийские акции (до и после восстания в Польше в 1863–1864 гг.). Иногда им это удавалось, но чаще всего Герцен разоблачал культ Наполеона среди поляков и их веру в исключительность миссии Польши. См.: Т. X, с. 37–42;

Эмиграция волей-неволей вынудила Герцена отказаться от вредных барских привычек, в первую очередь от картежных игр и неумного расточительства. При содействии банкира Д. Ротшильда Герцен добился судебного решения в свою пользу по делу о разделе наследства. Став

богатым, он оказывал щедрую финансовую поддержку газетам, эмигрантам, нелегальным группам радикалов и революционеров. Однако он не единожды проявлял деловую хватку, умело защищая свои денежные интересы и недвижимостью.

Великие французы (В. Гюго, Ж. Мишле, П. Прудон) надолго не исчезали из поля зрения Герцена. В. Гюго и А. Герцен проявляли взаимный интерес, хотя и не без критических замечаний. «Виктор Гюго никогда не был в настоящем смысле слова политическим деятелем» («Былое и думы»). См.: Т. XI, с. 44. В материалах к «Былому и думам» найдена цитата В. Гюго в унисон с настроением тогдашнего Герцена: «О, сколько за этим угрюмым горизонтом исчезло моряков, капитанов, которые с радостью отправлялись в дальние странствия! Сколько пропало без вести». (Перевод редколлегии академического издания). Запись 1 марта 1859 г. См.: Т. XI, с. 514. В очерке Н. Анциферова (1946) со ссылкой на М. Гершензона приводится выдержка (извлечение) из письма В. Гюго изгнаннику: «Ваши воспоминания («Былое и думы». – В. П.) – это летопись счастья, веры, высокого ума и доброты. Вы мастер мыслить и страдать» [1, с. 42]. В письме госпоже *** от 7 ноября 1867 г. Гюго пишет: «Я недоволен этим миром, следовательно, я одинок». И далее идет список жертв контрреволюции в Европе: «В Италии я знаю Гарибальди, – он побежден, на Крите – Цимбракакиса, – он затравлен, в России – Герцена, – он изгнан. Таков итог» [7, с. 487].

Жюль Мишле (1798–1874). В круг чтения молодого Герцена входили, как отмечалось ранее, и сочинения популярного в России французского историка. Личное знакомство состоялось в Париже на фоне политической сумятицы конца 40-х годов. Не прекращалась интенсивная переписка по разным поводам, в том числе и относительно взаимоотношений России и Польши. Личные встречи возобновились после отъезда Герцена из Лондона (март 1865 г.) [Париж, Швейцария]⁸. В письме Мишле от 3 августа 1868 г. (Ницца) Герцен признается в своей сентиментальности: «Я плакал, читая последние страницы о смерти Дантона и его друзей. Я только что закончил том ... о последних монтаньярах, – как величественно ваше прошлое!». См.: Т. XXIX, с. 271. Но отец не одобрил чтения сыном «такой дребедени», как «Библия человечества» Ж. Мишле: «Он как историк хорош – но как философ никуда не годится» [7, с. 267].

Отношения А. И. Герцена и *П.-Ж. Прудона* отмечены взаимной симпатией, не без конфликтов и трений по текущей политике. Герцен внес залог на издание газеты Прудона «*La voix du peuple*». Прудон прислал сочувственное письмо Герцену после известия о гибели матери и сына. Герцен не скрывал своего восхищения мастерством публицистики Прудона: «Гений Прудона действительно антипатичен французской риторике, его язык оскорбляет их». См.: Т. X, с. 189. «Я знаю одного свободного француза – это вас». См.: Т. X, с. 192. «Прудон, сидя в тюрьме, делает больше, чем вся беглая Гора». См.: Т. XXIII, с. 189. Список подобных высказываний можно продолжить. В письмах и статьях Герцена 1847–1850 годов встречаются многочисленные ссылки на Прудона и его «Исповедь революционера» (*Les Confessions*). В черновике письма к Прудону (от 26 декабря 1851 г., Ницца) Герцен писал: «Ваш труд был безмерен, вы все сделали, чтобы предупредить о приближении опасности (переворот Луи Бонапарта. – В. П.). ...А понимала ли вас хоть когда-либо цивилизованная часть Франции?». См. Т. XXIV, с. 210, 222.

А. И. Герцен скончался 21 января 1870 г. в Париже. По завещанию похоронен на кладбище в Ницце; здесь похоронена и его жена. На горе Шато, с видом на Средиземное море, возвышается бронзовая статуя великого русского мыслителя, революционера и патриота. ...Со скрещенными руками – его типичная поза. Голова слегка наклонилась, отягощенная скорбными думами.

Библиографический список

1. Анциферов, Н. А. И. Герцен [Текст] / Н. Анциферов. – М. : Гос. лит. музей, 1946. – 64 с.
2. Батурицкий, В. П. А. И. Герцен, его друзья и знакомые. Материалы для истории освободительного движения в России. Т. 1 [Текст] / В. П. Батурицкий. – СПб. : Изд. Г. Ф. Львовича, 1904. – 310 с.
3. Ветринский, Ч. Герцен [Текст] / Ч. Ветринский. – СПб. : Светоч, 1908. – 532 с.
4. Волошина, С. Герцен и деньги [Текст] / С. Волошина // Вопросы литературы. – 2015. – № 6. – С. 35–58.
5. Герцен, А. И. Собр. соч.: в 30 томах [Текст] / А. И. Герцен. – М. : АН СССР, 1954–1964.
6. Герцен, А. И. Былое и думы. Ч. I–VIII [Текст] / А. И. Герцен. – М. : Слово, 2001.
7. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1864–1867 [Текст] / авт.-составитель С. Д. Гурвич-Лишицер. – М. : Наука, 1987. – 544 с.
8. Пейтнев, В. И. Революция 1848 года во Франции: актуальные размышления о прошлом [Текст] /

В. И. Пефтиев // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 4. – С. 206–212.

Bibliograficheskiy spisok

1. Anciferov, N. A. I. Gercen [Tekst] / N. Anciferov. – М. : Gos. lit. muzej, 1946. – 64 s.
2. Baturinskij, V. P. A. I. Gercen, ego druž'ja i znomye. Materialy dlja istorii osvoboditel'nogo dvizhenija v Rossii. T. 1 [Tekst] / V. P. Baturinskij. – SPb. : Izd. G. F. L'vovicha, 1904. – 310 s.
3. Vetrinskij, Ch. Gercen [Tekst] / Ch. Vetrinskij. – SPb. : Svetoch, 1908. – 532 s.
4. Voloshina, S. Gercen i den'gi [Tekst] / S. Voloshina // Voprosy literatury. – 2015. – № 6. – S. 35–58.
5. Gercen, A. I. Sobr. soch.: v 30 tomah [Tekst] / A. I. Gercen. – М. : AN SSSR, 1954–1964.
6. Gercen, A. I. Byloe i dmy. Ch. I–VIII [Tekst] / A. I. Gercen. – М. : Slovo, 2001.
7. Letopis' zhizni i tvorchestva A. I. Gercena. 1864–1867 [Tekst] / avt.-sostavitel' S. D. Gurvich-Lishhicer. – М. : Nauka, 1987. – 544 s.
8. Peftiev, V. I. Revoljucija 1848 goda vo Francii: aktual'nye razmyshlenija o proshlom [Tekst] / V. I. Peftiev // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2008. – № 4. – S. 206–212.

¹ Первое сочинение А. И. Герцена при его жизни никогда не публиковалось и обнаружено лишь в советское время (издание М. К. Лемке, 1919–1925 гг.). В списке утраченных произведений А. И. Герцена 30-х годов перевод труда В. Кузена «Образование в Германии» (Р., 1832-1833 гг.) и статья о книге сен-симониста Ф. Ж. Бюше (Р., 1833). В короткой заметке [Развитие человечества, как и одного человека. Начало 1833 г.] А. И. Герцен отвергает прогноз В. Кузена о том, что Франция возвращается к абсолютной монархии: «Вообще автор проглядел, что ныне уже 1833 год, а не 1793» [Т. I, с. 28].

² Мысль Гюго в изложении Герцена такова: «Человечество переходит от одной крайности к другой, часто обливая кровью путь свой, видя неполноту всех исключительных теорий; оно, усталое, потребовало соединения крайностей». И далее упомянутый выше афоризм, означающий неодобрение как прихода якобинца, так возвращения аристократа. См.: Т. I, с. 24.

³ Огюстен Тьерри (Thierry) – автор крупных исторических сочинений, таких как «Десять лет исторических исследований» (1819–1821 гг.), «Завоевание Англии норманнами», «Письма об истории Франции» (1834) и др. В 1826 г. потерял зрение, смирился с мраком («j'y'avais fait amitié avec les ténèbres»), но с помощью молодого

добровольца Армана Карреля продолжал научные изыскания. А. И. Герцен назвал его «страдальцем науки». См.: Т. II, с. 7–9.

⁴ Брошюра «С того берега» (Т. VI, с. 9–142) – первая публикация А. И. Герцена в Европе (1850 г, на нем. языке). В обращении к сыну находим самооценку этого сочинения: «Я ничего не писал лучшего и, вероятно, ничего лучшего не напишу. Я люблю эту книгу как памятник борьбы. Я пожертвовал многим, но не отвергаю знания. ... Протест независимой личности против воззрения устарелого, рабского и полного лжи, против нелепых идолов, доживающих между нами, мешая одним, пугая других». См.: Т. VI, с. 7.

⁵ В письмах московским друзьям за 1848 год находим такие выражения: «Мещане победили», «Месь буржуазии превосходит всякое воображение», «Французы вообще не понимают, что такое уважение к личности, это народ притеснительный, “тупой” в уважении к формальной законности, инквизитор и шпион по отсутствию понятия чести». См.: Т. XXIII, с. 87. Герцен изгнан из Франции в апреле 1850 г. В письме А. А. Чувакову от 9 августа 1851 г. из Ниццы Герцен дополняет штрихи к портрету Франции: «Еще несколько слов о французском народе. Народ вообще слишком хвалят, это революционный garçon; французский народ вовсе не готов ни к социализму, ни к свободе, – но он готов к революции (последняя вспышка в лице Парижской коммуны 1871 г. – В. П.); сознание общественной неправды, злоба и удовлетворенное единство – вот его сила». См.: Т. XXIV, с. 199.

⁶ В письме 10 из Парижа от 1 сентября 1848 г. Герцен подмечает особенности менталитета Французов: «Нет в мире народа, который сделал бы столько подвигов, который пролил бы столько крови за свободу, как французы, и нет народа, который бы менее понимал ее; они довольствуются словами, они издают прокламации там, где надобно изменить быт. Фанатизм к идее идет у них с неуважением к лицу, с пренебрежением ближнего». См.: Т. V, с. 175.

⁷ Ч. Ветринский, автор обстоятельного очерка о Герцене (1908), подчеркивает его пронительность в оценке персоны Наполеона III: «Кто он такое сам? – Сколько я не смотрю на его заспанное лицо, на его колоссальный нос, на его мутные, пухлые глазки, на опустившиеся черты, я только мог высмотреть отрицательные качества, но потому-то он и будет велик, потому-то и современен» [Цит. по: 3, с. 213–532]. Поразительное наблюдение не только психолога-физиолога, но и политолога: власть достается среднему французу. Таким многие считали президента Франции Жака Ширака.

⁸ 26 ноября 1864 г., Париж. Герцен едет к Ж. Мишле: «милый старик» принял его с «распростертыми объятиями». См.: Т. XXVII, с. 534.